

Тютчев: море слез на берегах Женевского озера | Fiodor Tutchev - la mer des larmes aux bords du Lac Léman

Автор: Наталья Беглова, [Genève - Женева](#) , 21.08.2015.

Вот таким видел Женевское озеро Тютчев, прогуливаясь по городским набережным (гравюра из коллекции Н. Бегловой)

Начав нашу летнюю серию очерков о Лемане с рассказа о восторженных впечатлениях от него Ивана Бунина, мы завершаем ее совсем иными эмоциями, пережитыми на его берегах Федором Тютчевым.

Ayant commencé notre série d'été par un récit des impressions exaltées de Ivan Bounine, nous la terminons avec des émotions toutes différentes vécus à Genève par Fiodor Tutchev.

Fiodor Tutchev – la mer des larmes aux bords du Lac Léman

Если бы мы оказались на берегу Женевского озера осенью 1864 года, то встретили бы там одного из самых прекрасных русских поэтов, Федора Ивановича Тютчева, - в слезах. Поэт страдает, и никакие чайки, никакое великолепие природы не способны отвлечь его от сердечной муки. В октябре, в Женеве, он пишет прекрасное стихотворение, посвященное озеру Леман, которое начинается с упоминания о местном ветре – [бизе](#). Этот ветер, вместе с Белой горой (дословный перевод Монблан) становится неотъемлемой частью описаний города на берегах Женевского озера!

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод –
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет –
Деревья блещут пестротой –
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра, -
Сияет Белая Гора
Как откровенье неземное –

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою, —
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

Приезд Тютчева в Швейцарию в 1846 году был связан с трагедией: только что умерла его возлюбленная, и он отправился за границу, надеясь унять мучившую его боль от утраты. Стихотворение, которое называется «Утихла биза... Легче дышит...», посвящено памяти Елены Александровны Денисьевой – поздней любви Тютчева. Именно о ее могиле на Волковом кладбище идет речь в последней строке. А начиналось все так романтично...

С.Ф. Александровский. Посмертный портрет Ф. И. Тютчева (1876)

Поэт встретил молодую девушку, ровесницу его дочерей, навещая их в Смольном институте в 1850 году. Елена Денисьева рано потеряла мать, и ее воспитывала тетка, Анна Дмитриевна Денисьева, старшая инспектриса института. Природа не только одарила Елену весьма привлекательной внешностью - живая, грациозная, с огромными карими глазами, - но и умом, впечатлительностью и жизнелюбивым характером. К тому же у девушки были прекрасные манеры. У Денисьевой отбоя не

было от блестящих поклонников. После выпуска ее ожидало место фрейлины при дворе. Казалось, ей уготована обеспеченная, допорядочная, возможно, скучноватая жизнь, какую вели после замужества большинство ее знакомых дам.

Но тут на ее пути встретился Тютчев. Он влюбился сразу и безоглядно. Она, поверив в искренность его чувства, ответила страстной и глубокой любовью. Любовь к Денисьевой была для поэта огромным счастьем.

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Почему же в последней строке такого поэтического стихотворения появляется слово безнадежность? Просто ли это дань меланхолии, служащей неким дополнительным украшением поэтики высоких чувств? К сожалению, нет. С самого начала их романтическая история была окрашена в драматические тона. Федору Ивановичу, когда он встретил Денисьеву, вот-вот должно было исполниться сорок семь лет, а Елене было всего двадцать четыре. Теперь такая разница в возрасте никого бы не смутила. Но тогда...

Главное же, Тютчев был женат, причем уже вторично. Его жена, баронесса Эрнестина фон Дернберг, и слышать не хотела о разводе. Она уже привыкла к увлечению мужа (Федор Иванович был влюбчив) и надеялась, что вскоре эта история завершится сама собой, как и все предыдущие. К тому же, Тютчев продолжал по-своему любить свою «милую кисоньку Нести», на которой женился по страстной любви. Их роман начался еще при жизни его первой жены, графини Элеоноры Петерсон, баварской аристократки. Тютчев встретил баронессу Эрнестину Дернберг, отличавшуюся незаурядной красотой, в Мюнхене при странных обстоятельствах. В январе 1833 года во время одного из балов барон Дернберг, с которым поэт только недавно познакомился, почувствовал себя неважно. Решив уехать домой, он подошел к молодому поэту и сказал странную фразу: «Поручаю вам мою жену». Слова оказались пророческими. Через несколько дней барон умер от тифа, эпидемия которого свирепствовала в городе, а романтически настроенный поэт воспылал любовью к молодой вдове. Влюбленным удалось воссоединиться не сразу. В течение шести лет они были вынуждены скрывать свою любовь. Жена Федора Ивановича, Элеонора, узнав о связи мужа с Эрнестиной, даже пыталась покончить с собой.

Портрет Эрнестины Тютчевой 1840-х годов

История получила огласку. Тютчев, находившийся в Мюнхене на дипломатической службе, был переведен на работу в Сардинское королевство. Влюбленные виделись урывками. Так, в марте 1838 года им удалось встретиться в Женеве, где они провели вместе более месяца. Они полагали, что это их последняя встреча. Тютчев написал стихотворение, в котором прощался с возлюбленной. Но, как говорится, судьба распорядилась иначе. В 1838 году его жена с детьми направлялась к нему в Турин. Неожиданно на корабле «Николай I» вспыхнул пожар. Всем удалось спастись, но перенесенное потрясение резко подорвало и без того не слишком крепкое здоровье

Элеоноры, и вскоре она скончалась.

После ее смерти Тютчев тотчас подал заявление о своем намерении вступить в новый брак. Не дожидаясь официального разрешения, он покинул Турин, место своей службы, и отправился в Швейцарию. 29 июля 1839 года в Крестовоздвиженской церкви при русском посольстве в Берне состоялось его венчание с баронессой Эрнестиной Дернберг, ставшей его второй женой. Федору Тютчеву было тридцать пять лет, Эрнестине Дернберг – двадцать девять.

Самовольный отъезда Тютчева из Италии в Швейцарию не прошел для него даром. Он был уволен с дипломатической службы и лишен звания камергера. Как видим, ради любви к Эрнестине Дернберг поэт пожертвовал завидной дипломатической карьерой (правда, существует версия, что основной причиной увольнения является тот факт, что в предсвадебной суматохе или во время поездки поэт потерял дипломатические шифры). По словам знавших баронессу Дернберг, в этой женщине было что-то от роковой красавицы. Не случайно Иван Тургенев, бывший свидетелем этой романтической страсти, назвал ее в одной из своих дневниковых записей «Мадонной Мефистофеля». Да и сам Тютчев был, видимо, поначалу согласен с этим мнением, поскольку в одном из его стихотворений 1836 года, посвященных Эрнестине, явно слышно его эхо:

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

Тем не менее, страсть возобладала над рассудком, и Тютчев стал мужем мефистофельской мадонны. Впрочем, этим эпитетом она была обязана скорее своей яркой внешностью, нежели характером: в браке с Тютчевым она стала прекрасной матерью его трем детям от первого брака, родила ему еще троих и была преданной, понимающей и многое прощающей женой.

Куда же отправляются молодожены после свадьбы? Вы угадали: в Швейцарию, а точнее, в Женеву, где они останавливаются в отеле Де Берг (Des Bergues). И хотя в этот приезд на берег Женевского озера поэту, скорее всего, было не до стихов, мы можем с уверенностью сказать, что он был счастлив. Если бы Тютчев в тот момент написал стихотворение, то в нем, наверняка, присутствовали бы эпитеты, подобные тем, которыми он ранее одаривал Швейцарию, ее природу, или которые прозвучат позднее и будут относиться уже к самому Женевскому озеру. Так, проведя в 1859 году три недели в Веве, Тютчев, вернувшись в Перербург, пишет стихотворение «Грустный вид и грустный час...» — первое в диптихе «На возвратном пути». Он грустит, прежде всего, оттого, что ему приходится расставаться с «чудным видом и чудным краем», столь дорогими для его сердца. Вот эти строки.

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...

Чудный вид и чудный край —
Путь далек — не вспоминай...

Пройдет всего несколько лет, и в момент, когда поэту будет тяжело, он опять отправится на берега Лемана. Тютчев надеялся, что в Женеве, городе, который был полон для него «особого очарования», он сможет не позабыть, нет, а лишь утихомирить боль. Приехав в Женеву, Тютчев идет к русскому священнику Афанасию Петрову, которого хорошо знает, с тем, чтобы исповедоваться и причаститься. В письме к дочери, написанном 15 сентября 1864 года, он пишет:

Женева. Вторник. 15/27 сентября 1864

Моя милая дочь. Через несколько часов иду на исповедь, а затем буду причащаться. — Помолись за меня. Моли Господа ниспослать мне помилование, помилование, помилование! Освободить мою душу от этой ужасной тоски, спасти меня от отчаяния, но не путем забвения — нет, не забвения... Да сократит Он в своем милосердии срок испытания, превышающего мои силы...

Почему же Тютчев молит Господа не только об избавлении от тоски, но, прежде всего, о помиловании? Письмо в оригинале написано по-французски, и поэт трижды повторяет «...de me faire grâce, grâce, grâce!» За что он просит прощения? Вот и разгадка его строчке «Ты и блаженство и безнадежность», упоминавшейся выше.

Последний подарок судьбы – любовь Елены Денисьевой – обернулся скандалом, разразившемся в 1851 году, как раз накануне ее выпуска из Смольного института и предполагаемого назначения фрейлиной при дворе. Инспектору Смольного донесли о квартире, где происходили тайные свидания любовников, к тому же стало известно, что она ожидает ребенка.

Дагерротип Елены Денисьевой 1850-х годов

Связь с Еленой Денисьевой, годившейся Тютчеву в дочери, шокировала общество и вызвала всеобщее осуждение. Перед молодой девушкой захлопнулись двери большинства домов Санкт-Петербурга. Даже родной отец отрёкся от нее, а тетья, Анна Дмитриевна Денисьева, была вынуждена уволиться из института.

Елена Денисьева стойко переносила и осуждение света, и разрыв с семьей, ее любовь была глубокой, жертвенной. Она писала: «Я вся живу его жизнью, я вся его,

а он мой».

Да, Тютчев был ее, но по-настоящему больше в стихах, чем в реальной жизни. За четырнадцать лет связи с Еленой поэт так и не нашел в себе сил оставить жену и шестерых детей. Ему непереносима была мысль заставить страдать свою Эрнестину, свое «земное провиденье», как он когда-то писал о ней в стихах. Немаловажно заметить, что Эрнестина Дернберг была женщиной весьма богатой. Она унаследовала крупное состояние после смерти своего первого мужа, и Тютчев никогда не скрывал, что деньги жены составляют значительную часть его семейного бюджета.

Тютчев постоянно терзался оттого, что его отношения с Еленой двусмысленны, заставляют страдать молодую женщину, которая любит его безоглядно, однако так и не смог разрушить этот порочный и заставляющий всех страдать треугольник.

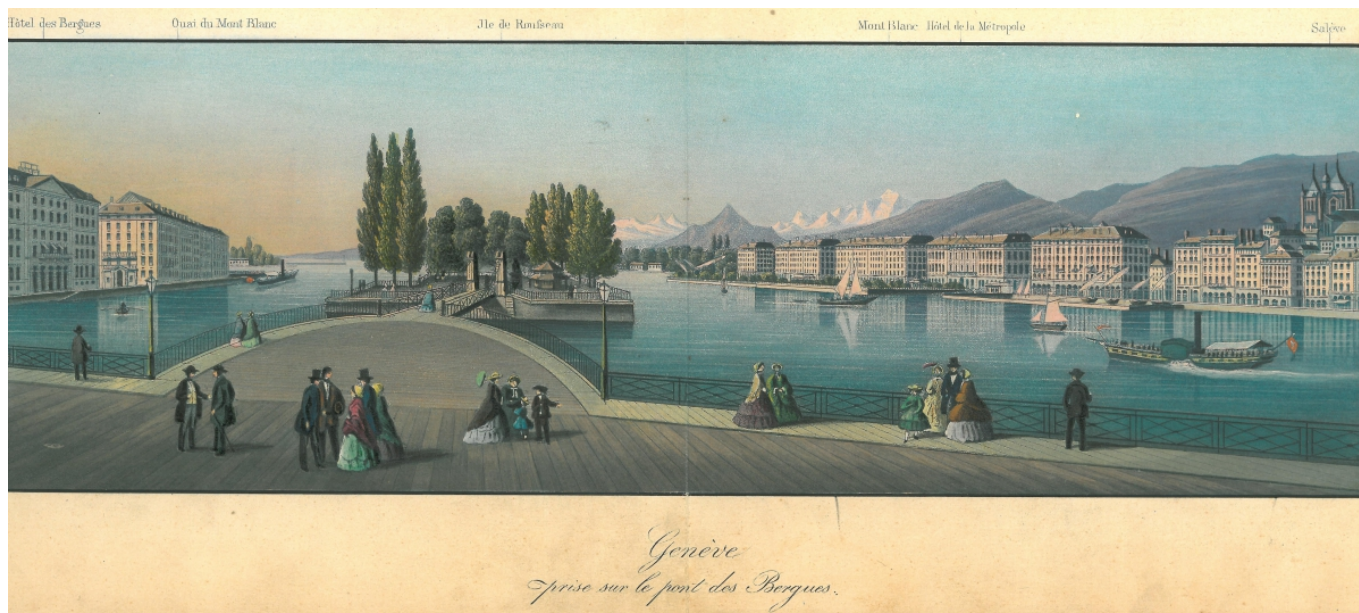
Тютчев понимал, какую непомерную цену платит его возлюбленная за счастье быть рядом с ним. Об этом свидетельствуют уже самые ранние стихи, посвященные Елене Денисьевой. Так, в 1851 году, всего лишь год спустя после их встречи, он пишет стихотворение «О, как убийственно мы любим», в котором нашли отражение его страдания. Вот лишь несколько строк из него.

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

.....

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

После рождения в мае 1864 года сына Николая, Денисьева заболела – за несколько месяцев туберкулез свел ее в могилу. Случилось это в августе 1864 года. Ее смерть подорвала силы Федора Ивановича: и физические, и моральные. Он постоянно рыдал. Так, по словам Афанасия Фета, встретившего поэта в те дни, Тютчева «лихорадило и знобило в тёплой комнате от рыданий». (Кожин В. Тютчев. Москва, Молодая гвардия, Жизнь замечательных людей, 2009, стр.383) Все, кто видел его тогда, свидетельствуют, что буквально за несколько дней он превратился в старика. Тютчев не мог простить себе смерти Денисьевой. Он, как никто другой, понимал, что не только чахотка свела любимую женщину в могилу. Болезнь смогла одолеть ее лишь потому, что были подорваны ее силы в борьбе с ударами судьбы.

Вид на Женевское озеро из отеля Де Берг (гравюра из коллекции Натальи Бегловой)

Боль, вызванная потерей любимой женщины, не утихла со временем. Тургенев, встретивший Тютчева в 1865 году, очень красочно передал состояние поэта, написав, что «его одежда была промокшею от падавших на нее слез». Вполне возможно, что именно в эти дни были написаны вот эти строфы.

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упрёку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своём гробу.

Под стихотворением стоит дата: 15 июля 1865 года. Ровно за пятнадцать лет до этого произошло объяснение, определившее судьбу Тютчева и Денисьевой. А через несколько недель, 3 августа 1865 года, в канун ее смерти, он пишет еще более пронзительное стихотворение, которое так и называется «Накануне годовщины 4 августа 1864 года».

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...Т
яжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,

Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

О мучениях великого поэта прекрасно написал спустя сто лет замечательный советский писатель Юрий Нагибин в рассказе «Сон Тютчева», посвященном отношениям Тютчева и Денисьевой. «Он испробовал все: стихи, слезы, бегство в Ниццу, много значившую в его жизни, политику, все виды самообмана, горячечные, ночь напролет, разговоры с умным; добрым Георгиевским, зятем Денисьевой, понимавшим и чтившим их горький союз. Ничего не помогало. Елена Александровна не отпускала его, выматывала душу не «тоской желаний», как некогда было с ним после другой страшной потери, а безнадежностью запоздалого раскаяния. Чувство вины было не внове Тютчеву. И узнал он его впервые в ту давнюю пору, когда первая жена Нелли пыталась заколоться маскарадным кинжалом. Но с той виной он сумел не то чтобы справиться, а сжиться, просто потому, что был молод. А шестидесятилетнему человеку не уйти от содеянного, не обмануть себя надеждой на искупление».

Раскаяние пришло слишком поздно и не отпускало Федора Тютчева уже до самой смерти.

[озера швейцарии](#)

Статьи по теме

[Ода Ивана Бунина Женевскому озеру](#)

[Ветры и паруса Женевского озера](#)

[Флибустьеры озера Леман](#)

Source URL:

<https://www.nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/tyutchev-more-slez-na-beregah-zhenevs-kogo-ozera>